

В. Т. Нарезный. Два Ивана, или Страсть к тяжбам.

 Воспроизводится по изданию: В. Т. Нарезный. Собрание сочинений в 2 томах. Т.2. М.: "Художественная литература", 1983.

Оригинал здесь: [Русская виртуальная библиотека](#), 2003.

Федору Павловичу Вронченку

Милостивый государь Федор Павлович!

С давнего времени Ваше превосходительство никогда не оставляли меня без благосклонного внимания, как скоро прибегал к Вам с представлением о своих нуждах. Таковое великодушие Ваше поставляет меня в непремennую обязанность оказать пред Вами, по мере возможности, свою благодарность. Посвящая имени Вашего превосходительства новое произведение мое под названием: "Два Ивана, или Страсть к тяжбам", я ласкаюсь надеждою, что приношение сие Вы примете со всегдашним Вашим великодушием и тем обяжете меня к новой благодарности.

С совершеннейшим почтением и таковою же преданностию честь имею пребыть

Вышего превосходительства

Покорнейший слуга

Василий Нарезный

С. П. Бург, 2 февраля 1825 года

Часть первая

Глава I

Полтавские философы

Ужасная гроза свирепствовала на летнем полуденном небе; зияющие огни молнии раздирали клубящиеся тучи железные; рыкающие громы приводили в оцепенение все живущее в природе; неукротимые порывы вихря ознаменовали путь свой по земле рвами глубокими, отчего взлетало на воздух все растущее, начиная от низменной травы до возвышенного тополя, и проливной дождь в крупных каплях с быстротою стрел сыпался из туч, подмывал корни древесные и тем облегчал усилие вихря низвергать их на землю.

В сие время, и подлинно невеселое, два молодые странствующие философа из Полтавской семинарии, исчерпав в том храме весь кладезь мудрости и быв выпущены на свою волю, пробирались по глинистой дороге сквозь лес дремучий. Почти на каждом шаге они останавливались, чтобы или закрыть руками глаза, ослепляемые блеском молнии, или заткнуть уши, оглушаемые разрывами грома, или смыть со щек и выжать с усов жидкую грязь, со шляп струившуюся.

- Вот настоящий Девкалионов потоп,- сказал один из философов,- для чего здесь такое множество бесполезных для нас больших деревьев, а не видать ни одной глубокой трущобы, где бы можно было осушить и обогреть кости? Как же неразумны были мы, любезный друг Коронат, что не послушались благих советов миргородского протопопа, уговаривавшего нас остаться у него на ночь!

- Твоя правда, друг мой Никанор,- отвечал другой,- протопоп не напрасно предсказывал грозу и бурю, но ты во всем виноват. Тебя никак нельзя было уговорить, чтоб остаться и в безопасном убежище петь псалмы и стихиры и принимать рукоплескания.

- Твоя правда,- отвечал первый с возвышенным лицом, - но мне хотелось если не к ночи сегодня, то по крайней мере завтра поутру обнять своих родителей, с коими я не видался целые десять лет.

- И я столько же времени лишен был сего удовольствия, - отвечал Коронат,- однако согласился бы еще столько же времени быть лишенным оногo, чем сегодня достаться на ужин какому-нибудь волку или медведю!

Таким образом рассуждая то вслух, то про себя, наши молодые бедняки продолжали тягостный путь свой. Вдруг остановился Никанор, водвинул шляпу на макушу, сложил персты правой руки наподобие зрительной трубки и,